

КАРПОВА Татьяна Георгиевна – к.филол.н., доцент кафедры журналистики, социальной рекламы и связей с общественностью факультета коммуникативного менеджмента Российского государственного социального университета (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1; karпова.тg@gmail.com)

ПРИНЦИПЫ И ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье автор утверждает, что свобода слова позволяет гражданам участвовать в политической, социальной и культурной жизни, выражая публично свои мысли, мнения, религиозные убеждения и т.д. Тем не менее эта свобода не может быть абсолютной и должна быть лимитирована определенными законодательными ограничениями, которые применимы к любым нарушениям политических, экономических, социальных и человеческих ценностей.

Ключевые слова: Европейский суд, права человека, свобода слова, частная жизнь, демократическая пресса, тоталитаризм, плюрализм

Анализ достаточно многочисленных прецедентов Европейского суда по делам, связанным с ограничением свободы получения и распространения информации СМИ, позволяет утверждать, что свобода слова и особые гарантии этой свободы, предоставляемые прессе, согласно судебной практике Европейского суда придают свободам прессы определенное преимущество в сравнительной оценке главнейших опор демократического общества с рядом других свобод и прав, гарантированных Конвенцией о защите прав и основных свобод человека, в частности – с правом на уважение частной жизни¹.

Вместе с тем уважение частной жизни и правовое ограничение вмешательства в частную жизнь человека не только со стороны тех или иных институтов публичной власти, но и других лиц, включая журналистов, является не менее важной основой демократического общества, а в некоторых случаях – и превалирующей по отношению к свободе слова, предоставляемой прессе.

Разумеется, критическая оценка вмешательства прессы в частную жизнь не относится к особым случаям, когда общественная необходимость, связанная с защитой интересов демократического общества в целом и каждого его члена в отдельности, не только допускает, но и делает необходимым подобное вмешательство в личную жизнь, включая и ее интимные элементы.

Если лицо, ставшее объектом журналистского внимания, является рядовым гражданином, не занимающим какого-либо заметного общественного положения, то при добровольной передаче сведений прессе самим пострадавшим лицом вопрос о вмешательстве в частную жизнь отпадает, остается только оценка нравственной стороны подробностей, описанных в публикации. При отсутствии факта добровольной передачи сведений пострадавшим от травмы лицом, а при этом условии достоверные сведения могли быть получены только от медицинских работников, присутствует очевидное вмешательство прессы в частную жизнь, причем в ее интимные элементы. Однако и журналисты, и источники информации в лице медицинских работников в обоснование такого вмешательства могут сослаться на добросовестное намерение ознакомить широкую общественность с обстоятельствами получения травмы и ее последствиями в профилактических

¹ Европейский суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. М.: НОРМА. 2000. Т. 1. 108 с.

целях, а указание в статье на конкретное лицо должно было способствовать убедительности представленных сведений. Хотя прецедентное право Европейского суда на сегодняшний день не содержит прямых аналогий рассмотрения подобных случаев, многочисленные прецеденты позволяют предположить, что и в этом случае возможно решение в пользу защиты в соответствии со ст.10 Европейской конвенции по правам человека, по крайней мере в случае убедительных доводов со стороны прессы по поводу общественной необходимости подобных публикаций. Здесь следовало бы отметить, что рядовые граждане европейских стран в похожих ситуациях редко обращаются с исками даже в национальные суды, в т.ч. и по причине незначительных по размеру возможных компенсаций со стороны прессы, в отличие от США, где граждане могут рассчитывать на многомиллионные компенсации со стороны прессы [Эммерт].

Неоднозначной представляется также правовая оценка широко распространенной практики вмешательства со стороны прессы в частную жизнь лиц, представляющих творческие профессии из мира искусств (певцы, актеры, писатели, музыканты, менеджеры шоу-бизнеса и т.д.). В случае когда подобные лица, помимо своей творческой деятельности, исполняют одновременно функции политического или общественного деятеля (депутат парламента, участвует в руководстве политической или общественной организацией, руководстве какими-либо фондами и пр.), правовую оценку вмешательства прессы в их частную жизнь можно соотнести с прецедентами Европейского суда по делам, связанным с диффамацией политиков.

В большинстве случаев вмешательство прессы в частную жизнь лиц, представляющих творческие профессии, основано на интересе непосредственно к их профессиональной деятельности и наиболее интимным сторонам личной жизни со стороны читающей публики. Хотя правовая оценка подобного вмешательства должна исходить из тех же принципов, что и в отношении рядовых граждан, однако объективно, исключая случаи распространения откровенно живых сведений и клеветы, существует ряд моментов, требующих особого подхода.

Во-первых, сами представители творческих профессий, заинтересованные в расширении своей популярности, не возражают против освещения прессой всевозможных, в т.ч. и интимных, сторон их частной жизни, не замечая при этом того, что постепенно их личная жизнь попадает под полный контроль со стороны прессы. Подобные взаимоотношения с прессой практически не поддаются правовой оценке с позиций защиты права на частную жизнь, их скорее можно отнести к оценке степени нарушения (одновременно со стороны лиц из мира искусства и журналистов) пределов, устанавливаемых национальными законами в отношении нравственных и моральных общественных устоев.

Во-вторых, достаточно часто сведения из личной жизни трактуются журналистами в качестве оценочных суждений и даже мнений, характеризующих профессиональные достижения лиц из мира искусства. Например, публикуя статью о популярном певце, журналист, отмечая падение (или рост) его творческого потенциала, может в качестве причин указать на ряд фактов из личной жизни, прибегая как к собственному журналистскому расследованию, так и к ссылкам на другие СМИ. В возможном судебном разбирательстве, связанном с подобной публикацией, пресса может сослаться на добросовестность намерений, предполагающих оказание помощи лицу, ставшему объектом вмешательства в частную жизнь, в выходе из творческого кризиса.

Обращения в национальные суды со стороны лиц творческой профессии по фактам вмешательства прессы в их личную жизнь не так уж часты, и не только

по причине желания поддержать свою популярность через СМИ, но и по причине сравнительно невысоких денежных компенсаций даже в случае положительного судебного решения. Для прессы итогом таких судебных рассмотрений, при незначительных материальных издержках, является рост тиража и, как следствие, прибыль. Нередки случаи, когда журналисты намеренно провоцируют известных лиц творческой профессии публикацией скандальных подробностей из их личной жизни, с тем чтобы втянуть их в судебные разбирательства, в ходе освещения которых общественности сообщаются новые подробности из их личной жизни.

Публикация статей, основанных на оценках и непосредственно сведениях и фактах личной жизни, все в большей степени заполняет не только так называемую желтую прессу, но и прессу, относящуюся к «качественной» категории, что в определенной мере вызвано и конкуренцией печатных СМИ с электронными. Оценивая постоянно растущий интерес и внимание прессы к частной жизни граждан, граничащий с прямым вмешательством, следует отметить, что свобода и отсутствие разумных ограничений в освещении СМИ этой сферы начинает приобретать «тоталитарный характер».

Такой термин применен не случайно, т.к. именно альтернативное демократическому общественному устройству тоталитарное государство, наряду с полным контролем над всеми политическими сферами жизни общества, не менее важным считает контроль над всеми сторонами частной жизни граждан, осуществляемый путем фактически прямого вмешательства, которое выражается в определенном контроле за корреспонденцией, в директивных установках правил семейной жизни, в том, какие личные увлечения разрешено иметь, каких вкусов к привычек следует придерживаться, а какие находятся под запретом, вплоть до навязывания стиля поведения и моды в одежде. Более того, именно контроль над частной жизнью граждан и прямое вмешательство в нее со стороны публичной власти способствуют поддержанию политической идеологии тоталитарного государства. Поэтому, наряду со свободным доступом к получению и распространению информации, свобода граждан строить свою частную жизнь без вмешательства публичной власти, исходя из личных предпочтений, является одной из важнейших основ демократического общества.

Роль СМИ в тоталитарном государстве по сути сводится к одному из инструментов осуществления контроля над обществом, в т.ч. и над частной жизнью граждан. Свобода получения и распространения информации формально носит декларативный характер и ограничена жесткими рамками государственных идеологических установок.

В условиях наличия тенденций нарушения плюрализма со стороны прессы и концентрации СМИ сама пресса в той или иной степени может превратиться в один из элементов тоталитарного характера и в демократическом государстве. Тоталитаризм в своем конкретном проявлении не обязательно должен быть представлен монопольной концентрацией власти в руках одной политической партии, это может быть и не закрепленная формально концентрация власти в руках нескольких наиболее могущественных в финансово-экономическом отношении групп, имеющих возможность посредством полного или частичного фактического контроля над органами государственной власти, общественными организациями и СМИ осуществлять последующий контроль (в т.ч. и путем концентрации в своих руках основной массы СМИ) над всеми сферами жизни общества, включая и частную жизнь. Подобные проявления тоталитаризма в большей или меньшей степени могут присутствовать на различных исторических этапах и наиболее характерны для государств с переходным экономическим укладом. Однако следует отметить, что и в странах с устоявшейся рыночной эко-

номикой возможны проявления некоторых признаков подобного тоталитаризма [Padovani, Calabrese 1996: 112].

Свобода слова СМИ в условиях проявления элементов тоталитаризма реально существует только в границах, очерченных интересами финансово-промышленных групп, владеющих СМИ. Причем эти интересы могут быть направлены не только непосредственно на укрепление своего финансового и экономического могущества, но и на формирование нравственных, моральных и этических взглядов общества, включая принципы семейных и личных взаимоотношений.

Еще одним важным обстоятельством, непосредственно влияющим на формирование специфического образа прессы, является все более растущая конкуренция между СМИ, которая стимулирует (особенно это касается ежедневных газет) получение прибыли любым образом. Погоня за прибыльностью изданий все в большей степени превращает прессу не только в распространителя общественно полезной информации и новостей, но и в изготовителя актуальных новостей, которые читатели, по мнению журналистов, готовы больше всего потреблять. При этом происходит «фабрикация взаимосвязей, конструирование, влияние на образ и мировоззрение <...> подлинное извращение роли актуальности состоит в том, что любая актуальная информация пригодна лишь для того, чтобы временно и, если судить по ее информационной ценности, почти без последствий привлечь к себе внимание <...> отсутствие истинных новостей вынуждает приукрашивать старые, то есть вызывает к жизни журналистскую упаковочную индустрию» [Эммерт]. Все большую роль в подаче прессой актуальных (в приведенном выше понимании) новостей начинают играть слухи, в т.ч. и основанные на предвзвешенно вброшенной в Интернет сомнительной информации.

Погоня за новостями, носящими характер развлекательных сенсаций, заставляет журналистов все в большей степени вторгаться в самые интимные сферы частной жизни граждан при отсутствии какой-либо необходимости в этом или просто разумной потребности демократического общества. Основным движущим мотивом такого вторжения является низведение информации до уровня скандальных новостей. Причем как раз в сфере вторжения в частную жизнь пресса все чаще прибегает к продуцированию скандальных новостей ради вызова интереса именно к скандальной подаче материала. Как справедливо отмечается, «речь больше не идет о том, чтобы обнаружить скандал и разоблачить, чтобы устранить его. Совсем наоборот, интересен только сам скандал, а не его ликвидация... Неважно, что новости не скандальны, — они должны быть таковыми. С этой целью к ним подмешивают то одно, то другое из того, чего нельзя найти в области фактов: маленький слух, ссылку на неназванный источник, загроможденное под факт предположение» [Эммерт].

Практика такого рода не только непосредственно представляет собой нарушение права на уважение частной жизни, но и, осуществляемая регулярно и во все большем объеме, способствует внедрению в общественное сознание убеждения, что частная жизнь во всех ее проявлениях, включая и самые интимные стороны, не является исключительно личной принадлежностью каждого человека и может быть выставлена на всеобщее обозрение. Следствием разрушающего воздействия прессы на уважение частной жизни становится не только снижение моральных и нравственных критериев в обществе, но и формирование в сознании людей стереотипа поведения, допускающего вторжение в свою и чужую личную жизнь как нечто привычное и обыденное, а это уже несет в себе потенциальную угрозу основам демократического общества.

Подобная жесткая оценка тотального вмешательства прессы в личную жизнь относится главным образом к праву на уважение частной жизни рядовых гражд-

дан, поскольку в подавляющем числе случаев подобное вмешательство не может быть оправдано необходимостью интересов демократического общества. Другим образом можно оценивать внимание прессы к частной жизни политических деятелей, чиновников, лидеров общественных организаций и фондов. Применительно к таким лицам интересы демократического общества не только допускают особое внимание журналистов к фактам и обстоятельствам их частной жизни, но и представляют подобное внимание как необходимое условие поддержания демократических отношений между публичной властью и рядовыми гражданами.

В прецедентном праве Европейского суда накоплен определенный опыт разрешения конфликта между правом прессы на свободу слова и правом граждан на уважение их частной жизни применительно к лицам, являющимся политическими или государственными деятелями. Суть подхода Европейского суда сводится к тому, что деятельность лиц, относящихся по своему положению к публичной власти, должна протекать в условиях, допускающих наибольшую свободу слова прессы, гарантированную ст. 10 Европейской конвенции по правам человека. Более того, хотя распространение в прессе сведений из частной жизни, носящих ложный или клеветнический характер, подпадает под ограничительные положения ч. 2 ст. 10 Европейской конвенции по правам человека независимо от общественного положения того или иного лица, однако применительно к лицам, имеющим отношение к публичной власти, допускаются оценочные высказывания, которые могут содержать в качестве обоснований и не совсем точные сведения из их частной жизни.

Таким образом, политический деятель обязан или смириться с пристальным вниманием прессы ко всем сторонам своей жизнедеятельности, включая подробности личной жизни, или сменить сферу реализации своих потенциальных возможностей и способностей.

Фактическое отсутствие прямых прецедентов Европейского суда по оценке пределов вмешательства прессы в частную жизнь рядовых граждан, включая и лиц из мира искусства, в виде публикаций более или менее достоверных сведений, касающихся разных сторон частной жизни, в т.ч. и самых интимных, позволяет утверждать, что проблема защиты их права на уважение частной жизни от посягательств со стороны прессы в рамках международного европейского права остается до некоторой степени открытой.

Список литературы

Эммерт Ф. Американские средства массовой информации в 1990-е годы: общий обзор и печатные средства массовой информации. Доступ: http://www.4uth.gov.ua/usa/russian/media/media1_rus.htm (проверено 30.03.2016).

Padovani C., Calabrese A. 1996. Berlusconi, RAI and the Modernization of Italian Feudalism. — *Public Service Television*. Vol. 3. No 2. P. 109-120.

KARPOVA Tat'yana Georgievna, *Cand.Sci.(Philol.)*, Associate Professor of the Chair of Journalism, Social Advertising and Public Relations, Russian State Social University (4, bld. 1, Vil'gel'ma Pika St, Moscow, Russia, 129226; karpova.tg@gmail.com)

PRINCIPLES AND LIMITS OF INFORMATION FREEDOM IN THE FIELD OF PRIVATE LIFE

Abstract. *The author is pledging in this article that freedom of speech allows citizens to participate in political, social and cultural life by expressing publicly their thoughts, opinions, religious preferences, etc. However, this freedom cannot be absolute one and thus needs to be circumscribed by certain juridical limits. The author is argued that these limits should be directly defined in law and be sensitive to any infringement of political, economic, social and human values.*

Keywords: *European court of human rights, freedom of speech, privacy, democratic press, totalitarianism, pluralism*

МАТАНИС Виктория Анатольевна — к.филос.н., заведующий кафедрой журналистики Российского государственного социального университета (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1; matanisva@rgsu.net)

ЧЕРЕХОВСКАЯ Лидия Сергеевна — директор учебно-научной лаборатории удаленного доступа по православной журналистике Российского государственного социального университета (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1; cherehovskaja@rgsu.net)

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА «ПРАВОСЛАВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые проблемы реализации проекта по подготовке православных журналистов при лаборатории удаленного доступа Российского государственного социального университета, анализируются результаты деятельности лаборатории за 4 года, указываются перспективные направления развития. Авторы отмечают, что сегодня важно создать единый комплексный подход к обучению журналистов для религиозной конфессиональной журналистики.*

Ключевые слова: *православная журналистика, высшее образование, методика преподавания*

В современном информационном обществе благодаря развитию технологий размывается понятие «профессиональный журналист», создается иллюзия, будто им может стать каждый. Зачастую под этим статусом подразумевается человек, способный разместить материал в блоге, у себя на страничке в социальных сетях, активно переписываться с читателями и комментировать таких же «журналистов». Однако профессия не исчерпывается простым информированием, профессиональный журналист осознает силу слов, понимает сверхцель своей профессии. В бесконечном информационном потоке журналист становится тем, кто направляет аудиторию, выделяет главное, делает акценты, фактически формирует мнение, а затем и сознание людей и социальных групп. В федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 42.03.02 «журналистика» (бакалавр) среди первых общепрофессиональных компетенций журналиста отмечается «способность осуществлять общественную миссию журналистики, эффективно реализовывать функции СМИ, понимать смысл свободы и социальной ответственности журналистики и журналиста и следовать этому в профессиональной деятельности»¹.

Несколько лет назад святейший патриарх Кирилл на IV Международном фестивале православных СМИ «Вера и слово» отметил, что «СМИ становятся полем, где разворачивается битва за умы и сердца наших современников, и эту битву

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (уровень высшего образования — бакалавриат), направление подготовки 42.03.02 «журналистика». Утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 07.08.2014 № 951.